

Семилетний Владилен после очередного побега из ненавистного детского сада опять каждый день торчал на милой его сердцу запорошённой снегом улице с высокими столбами белых дымов из кирпичных труб на крышах одно- и двухэтажных домишек.

Сегодня старшие впервые приняли его в свою игру. Ещё бы, ведь у него оказался отличный, на зависть всем выструганный меч с золотой гардой из пробитой крышки от консервов. Внушительный, почти как настоящий, даром что деревяшка. Ни у кого такого нет, дед вечером для внука выточил.

Недавно у маминого отца прорезались плотницкие задатки, и он принялся мастерить на досуге грубые, но добротные стулья, скамейки, полки, этажерки, чего, по уверениям бабушки, за ним никогда прежде не замечалось.

И теперь гордый Владик бежал, сжимая меч обеими руками над головой, вместе со всей доблестной армией, устремившейся на разгром врага. Мимосплошной деревянной стены дровяных сараев, мимо двухэтажного здания прокуратуры из белого кирпича с узорными чугунными решётками перил балконов и массивными, наглухо закрытыми воротами, к которым совсем недавно частенько подъезжали «воронки» с зарешётчатым оконцем. Противником оказалось менее многочисленное воинство из ближайшего проходного двора. Впрочем, и они наверняка воображали себя славными новгородскими дружинниками, а никак не какой-то там киношной немчурой из виденного всеми «Александра Невского».

В самый разгар битвы, когда победоносная дружина погнала супостатов в лабиринт их собственной проходнушки, у самых в неё ведущих ворот на слегка отставшего Владика налетел совершенно посторонний, даже не с их улицы, пацан. Вообще непонятно, как он затесался к ним в игру.

Выглядел он года на два старше Владилена и на целую голову выше, а по выходкам мог дать фору любому в округе. То из рогатки лампочку на

высоком столбе расколет, то патроны на рельсах перед идущим трамваем разложит. Откликнулся же, как слышал Владик, и на Рыжего, и на Мустафу, хотя настоящее имя кто-то из бывалых уже наколол ему синей тушью на пяти пальцах правой руки по буквам: «Анвер». Его часто можно было видеть с папироской в зубах в компании незнакомых переростков уркаганской внешности.

На самом деле рыжий, с вечно нечёсаными вихрами, с приплюснутым носом, выступавшим посреди густо обсыпанных веснушками красноватых щёк, – симпатии он точно не вызывал. Оттопыренные в стороны уши сейчас прикрывал съехавший набок в пылу боя треух. Постоянно бегающие, стреляющие по сторонам маленькие глазки, бесцветные, с чуть намеченной прозеленью в глубине, вовсе не внушали никакого доверия. Опасался Владик этого сумасброда с постоянно торчащим из кармана перочинным ножиком, старался держаться от него подальше.

Но гораздо больше боялся обнаружить перед ним свой страх, выказать слабину.

Однажды Владилен полюбопытствовал у соседского Пашки, бывшего аж на четыре года старше, но всегда неплохо к нему относившегося и, казалось, всё на свете знавшего:

– А чего это Рыжего все Мустафой зовут, когда он на самом деле Анвер?

– Эх, ты, мелюзга, – снизошёл до него

беззлобный Павел. – Киношка такая была, понял? «Мустафа дорогу строил...» Решили, что он на одного чудика там похож, вот и прилепилось. «Путёвка в жизнь» картина называлась...

Владик, разумеется, понятия не имел о том фильме, зато получил объяснение странной кличке хулигана с соседней улицы.

Этот чужак почти никогда не заходил к ним во двор. Стоило ему только там объявиться, как кто-то из взрослых обязательно прогонял его прочь. Игры пацанов, даже намного его старших, были ему до лампочки, если это не карты и не мослы на деньги.

Но сегодня каким-то образом Рыжий поспел к концу сражения с явным намерением в нём поучаствовать. В отличие от внушительного меча Владика, в руках у некстати припёршегося Мустафы-Анвера нелепо торчала сучковатая, где-то наспех раздобытая палка, несколько не походившая на боевое оружие у всех остальных.

Он внезапно напал на Владика и случившегося рядом не шибко быстрого массивного Коляшу, которого во дворе заслуженно за комплекцию звали то Пончиком, то Плохишом. Неповоротливому рыхловатому мальчишке сразу сильно досталось от налетевшего откуда-то сбоку, однако он умудрился изловчиться и быстро сделать ноги с поля боя, подло оставив Владика один на один с напористым Мустафой.

Чувствуя, что долго так не продержится, преданный соратником, он изо всех сил отбивал мечом удары мёрзлой и необструганной кривой хворостины, жестяная гарда меча всякий раз защищала ему пальцы, тогда как сам Рыжий уже не раз и не два морщился от боли, но только усиливал натиск. Помощи ждать было неоткуда, его доблестная дружина давно скрылась из виду в погоне за разгромленным противником.

– На переломочный! – вдруг истошно заорал Мустафа, выкатывая безумные глаза, и с наскоком изо всех сил обрушил палку на Владиков меч.

В морозном воздухе раздался громкий треск, кусок дерева просвистел мимо владиковой ушанки, в руках у Рыжего остался жалкий обломок невесть чего. Уцелевший дедушкин меч достойно выдержал испытание.

Владик незамедлительно воспользовался замешательством противника, ткнул остриём в оказавшуюся незащищённой фуфайку Мустафы и одновременно торопливо выкрикнул, опасаясь новой атаки:

– Ты убит!

– Убит, убит, – неожиданно согласился якобы поверженный враг и отбросил прочь ненужный теперь жалкий сучковатый огрызок.

Изо рта его, как и у Владика, с каждым

словом вырывались клубы густого пара, обоим приходилось жарко в эти минуты, несмотря на мороз.

– Знатный у тебя меч! Сам смастырил?

– Ну, немного... больше дед... – с неохотой признал Владик.

Рыжий довольно кивнул, он так и думал, что не сам.

– Одолжи мне его... поиграть малость, – внезапно он приблизился вплотную и взялся обеими руками без рукавиц за гладко выструганное деревянное лезвие повыше блестящего защитного кружка.

Владик непроизвольно сжал пальцы на рукоятке, а второй рукой на подмогу крепко перехватил меч над позолоченной жостью.

– Ну, дай! Дай хоть немного подержать! Жадина, что ли? – противным голосом дурашливо канючил настырный попрошайка, только что признавший себя убитым понарошку, одновременно стараясь выкрутить оружие из захвата хозяина.

– Нет! – Владилен крепче сжал дедушкин подарок и притянул к себе.

Хотя противник и оказался значительно сильнее, он, видимо, опасался скорого возвращения армии Владика. Поэтому, не выпуская приглянувшегося меча, принялся торопливо и горячо убеждать:

– Да не бойсь ты. Я только подержу и сразу верну. Ну, хочешь, честное октябрятское дам, если так не веришь?

Обладатель деревянного клинка отрицательно помотал головой, изо всех сил удерживая вырываемое у него оружие.

«Честное октябрятское» да ещё от такого переростка с хулиганскими задатками не вызывало доверия. Сам-то он ещё не дорос до октябрят, в первый класс предстояло пойти только осенью. Но насчёт Мустафы имелись большие сомнения, что этот архаровец мог к ним относиться.

Недоверие и несговорчивость Владилена только раззадорили Рыжего, он поспешил поднять ставки:

– А если – честное пионерское, тогда дашь? Ну, хочешь, даже честное комсомольское?!

– Ты не комсомолец! – вполне резонно возразил Владик, продолжая твёрдо держать позицию и меч.

– Ну, ладно. Так и быть. Даю честное сталинское, что только подержу и отдам назад! Только тебе даю!

Это сломило решимость Владика. Между пацанами лишь изредка и в самых крайних случаях прибегали к такому весомому подтверждению правдивости собственных слов или даваемых обещаний. Иначе при более частом употреблении это мощное средство давно обесценилось бы и

стало полным пшиком. Наверное, сходно в своём далёком детстве их дореволюционные предки «божились», заверяя даваемые клятвы во времена, предшествовавшие повсеместному поручению церкви и превращению уцелевших в склады с забитыми досками входами.

Владилен не мог вспомнить ни единого раза, когда бы давший «честное сталинское» не сдержал его. Такой вероятности в его сознании просто не существовало, никак не могло быть. «Честное сталинское» – слово-кремень; нарушителя его, несомненно, тут же на месте испепелила бы молния или постигло нечто более ужасное.

Если бы кто-то спросил Владика неожиданно в этот, как и в любой другой момент его жизни:

– А кто такой Сталин?

Он, не задумываясь, ответил бы слышанное не раз от взрослых и по радио:

– Сталин – это Ленин сегодня.

Впрочем, что за нелепость: откуда было бы взяться этакому Незнайке?! А если бы вдруг и отыскался такой, то с полным основанием мог услышать в ответ встречный вопрос:

– Ты что? Совсем, что ли, дурик? Будто сам не знаешь!

Поэтому «честное сталинское» всегда представлялось ему и прочим пацанам даже крепче и убедительнее «честного ленинского», даже на слух в нём явственно слышалась звенящая сталь.

И потому Владик, хотя и испытывал некоторые сомнения насчёт честности Рыжего, тут же выпустил меч, который мгновенно переключал к давшему такое весомое слово.

С громким победным кличем Мустафа взмахнул клинком над головой и тут же стремглав бросился прочь.

Владик стоял, будто громом прибитый, тупо наблюдая, как нарушитель безотказной прежде клятвы целый и невредимый самым бессовестным образом исчезает за ближайшим углом. И никакой молнии, никакого грома...

Дедовского меча у него больше не было, в остальном же внешний мир вокруг оставался неизменным. Но в его сознании он обрушился, едва не накрыв своими осколками. Маленький несчастный Владилен оказался настолько поражён, что даже не попытался преследовать коварного Мустафу. Из основания его восприятия выдернули опорный камень, и ясный до того разумный миропорядок рассыпался прямо на глазах.

Владик заплакал от бессилия, конечно, ему очень жаль, и дня не поиграв, навсегда лишится меча, на который дедушка затратил столько труда, но гораздо больше давило сознание несправедливости по отношению к нему. Нашёлся же такой бессовестный отщепенец, обманувший

его доверие и самое надёжное до того святое слово! Как жить дальше? Он не стал дожидаться своих старших приятелей. Жаловаться им без толку, тем более, он замечал не раз, что и они побаиваются малохольного Мустафу, никогда не расстававшегося с перочинным ножиком. В конце концов, он сам отдал меч, поверив никогда не подводившему «честному сталинскому».

Продолжая тихонечко всхлипывать, он безутешно брёл домой по покрытому белым настом кирпичному тротуару вдоль такой же обледенелой, но накатанной редкими машинами, телегами и санями булыжной мостовой. В двух-трёх местах на ней рельефно темнели вмёрзшие в припорошённую снегом наледь кучки лошадиных катышей.

Дома Владилен ничего не поведаль о происшедшем, только вечером соврал деду, вернувшемуся с работы, о сломанном мече, который пришлось выбросить. Дедушка рассеянно обнадёжил, что выстругает новый, лучше прежнего, когда будет время, но потом так и не выполнил обещанного.

Много месяцев спустя Владик увидел, как в кольце обступивших ребят Мустафа бешено дрался с долговязым незнакомым пацаном. Рыжий наносил удары кулаком хлётко и точно, с каким-то зверским неистовством и, несмотря на то, что противник успел расквасить ему нос, превратил тому лицо в кровавое месиво. Владик почти уже не жалел о выманенном у него зимой под «честное сталинское» мече, ведь Мустафа мог тогда запросто так же избить и его, как этого гораздо более рослого незнакомца.

Зато теперь, если даже Владик и хотел придать вес своим словам, то никогда не произносил больше навсегда обесцененное Рыжим имя главного вождя всех народов. И уже совсем не удивился, восприняв, как само собой разумеющееся, внезапное исчезновение однажды поутру усатого посеребрённого истукана в сквере неподалёку.

Мустафа не добрался даже до окончания восьмилетки – загремел на детскую зону, а ещё за несколько лет до того сделался не по своей воле завсегдаем детской комнаты в районном отделе милиции. Потом он возникал в их районе ненадолго перед очередной посадкой. От ходьбы становился всё синюшнее и угрюмее от сплошных тюремных наколок. Месяц, хорошо два на воле, а потом снова назад в ставший родимым для него дом за колючку. Так и сгинул, как говорили, предварительно подцепив где-то в неведомых северных далях открытый туберкулёз лёгких